

С. В. Куликов

Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм¹

Состоявшаяся 5 июня 1915 г. и организованная фактическим премьером А. В. Кривошеиным замена на посту руководителя МВД Н. А. Маклакова выборным членом Государственного совета князем Н. Б. Щербатовым, входившим в Группу правого центра, создала предпосылки для того, чтобы Николай II снова вспомнил о Хвостове. «После Маклакова, — показывал Хвостов, — у него (Николая II. — С. К.) не было человека, на которого он мог бы опереться, который ему был бы симпатичен. На Щербатова было какое-то недовольство, и здесь опять он стал вспоминать обо мне. Об этом я слышал косвенно — опять-таки через несколько иностранцев... Одна старая дама великосветского кружка передавала мне, что об этом говорили у английского посла, что, будучи во флоте, бывший император обо мне вспоминал... Я начал получать сведения, что царь мною интересуется, в июне месяце»². Почему же именно в это время Николай II вспомнил о Хвостове? И чем Щербатов вызвал недовольство царя?

Ответы на поставленные вопросы можно найти, если обратиться к обстоятельствам назначения главноначальствующим Москвы и главным начальником Московского военного округа генерала князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстона, а также к его деятельности на перечисленных должностях.

¹ Продолжение. Начало см. «Петербургский исторический журнал». 2014. № 2–3.

² Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства: В 7 т. М.—Л., 1924–1927. Т. 1. (М.—Л., 1924). С. 6, 7.

Кандидатура Юсупова в командуемые округом была предложена ближайшими родственниками монарха — матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, и родной сестрой, великой княгиней Ксенией Александровной³, чья дочь, княжна императорской крови Ирина Александровна, являлась женой сына генерала — князя Ф. Ф. Юсупова-младшего. Вероятнее всего, это произошло 28 апреля 1915 г., когда Николай II записал: «В 7 ½ поехал к Мама и обедал с Ксенией. Вернулся в Царское к 11 ¼»⁴. К выдвижению кандидатуры Юсупова была причастна и сестра Александры Федоровны — великая княгиня Елизавета Федоровна⁵, в окружение которой входили все члены семьи Юсуповых. Принимая главу этой семьи 1 мая 1915 г., Николай II «предложил ему командование Московским округом на время войны»⁶, а 5 мая 1915 г. подписал указ о назначении Юсупова не только главным начальником Московского военного округа, но и главноначальствующим Москвы.

Будучи ярким германофобом, Юсупов боролся с «немецким засильем» и высылал из Москвы всех вообще подданных воюющих с Россией государств (в том числе славянского, итальянского и французского происхождения), чему безуспешно противодействовали МВД и Совет министров. Современники считали, что своей политикой Юсупов если не прямо, то косвенно спровоцировал московские беспорядки 27–29 мая 1915 г., вспыхнувшие в начале Великого отступления русской армии и вылившиеся в «немецкие погромы»⁷. В ходе беспорядков получили широкое распространение слухи об измене верхов как причине поражений на фронте, в связи с чем люди в толпе впервые за время войны «обвиняли громко» Николая II, Александру Федоровну, памятуя о ее немецком происхождении, Г.Е. Распутина и «всех важных придворных»⁸, имевших, как правило, «немецкие» фамилии, а также Елизавету Федоровну⁹. Именно великая княгиня и могла сообщить об этих слухах венценосцам, поскольку 7–8 июня 1915 г. Елизавета Федоровна гостила в Царском Селе, приехав на похороны великого князя Константина Константиновича (К. Р.)¹⁰. По сведениям Ж.М. Палеолога, известия о московских слухах «вызвали ужас в Царском Селе»¹¹. Следовательно, перед Николаем II начала вырисовываться

³ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 103.

⁴ Николай II. Дневники (1894–1918): В 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 2. С. 126.

⁵ Тихомиров Л.А. Дневник. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 71.

⁶ Николай II. Указ. соч. С. 127.

⁷ Подробнее об этом см.: Курьянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1993. № 12. С. 137–150; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 42–66.

⁸ Палеолог Ж.М. Дневник посла. М., 2003. С. 308.

⁹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 256.

¹⁰ Николай II. Указ. соч. С. 134.

¹¹ Палеолог Ж.М. Указ. соч. С. 309.

проблема нейтрализации слухов о германофильстве Двора, которые начинали приобретать характер династической опасности, причем решение данной проблемы он связывал с оставлением в Москве Юсупова в качестве доказательства того, что верхи по-прежнему настроены германофобски.

Противоположного мнения о судьбе московского главноначальствующего придерживался кабинет. На заседании Совета министров 9 июня 1915 г. Щербатов доложил о телеграмме Юсупова, в которой он настаивал на высылке из первопрестольной «всех германских и австрийских подданных без изъятий», даже «принявших русское подданство», что возмутило других министров. Кривошеин, выражая мнение всех коллег, заявил: «Юсупов — настроен решительно против немцев. Пока он главным — погром неизбежен (убрать неудобно: толки о Петербурге мешают)». Итак, фактический премьер высказался за необходимость если не увольнения Юсупова, признавая, что это может вызвать усиление слухов об измене верхов, то по крайней мере хотя бы за сужение его полномочий. Министры решили доложить императору о сложившейся ситуации «завтра»¹², и действительно, 10 июня 1915 г. Николай II записал: «От 11 час. до 12 ½ у меня состоялось заседание Совета министров»¹³, во время которого Щербатов и остальные члены правительства, несомненно, подвергли критике излишне германофобскую политику Юсупова.

«Бороться с немецкой камарильей, прибравшей к рукам власть, было отцу не под силу, — в свою очередь писал Юсупов-младший, воспроизводя мнения, разделявшиеся не только им, но и его родителями. — Правил бал предатели и шпионы. Отец принял суровые меры, чтобы очистить Москву от всей этой нечисти. Но большинство министров, получивших портфель от Распутина, были германофилы. Всё, что ни делал генерал-губернатор, принимали они в штыки, приказы его не выполняли»¹⁴. Насколько кривым было зеркало, в которое смотрели Юсуповы на события периода Первой мировой войны, доказывается тем, что в июне 1915 г. ставленники старца и сторонники германофильской ориентации в кабинете полностью отсутствовали.

В 2 часа пополудни 14 июня 1915 г. в Ставке верховного главнокомандующего, в Барановичах, под председательством Николая II состоялось первое за время войны заседание Совета министров с участием верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и начальника его Штаба генерала Н. Н. Янушкевича. По вызову Николая II¹⁵ в заседании участвовал и Юсупов, поскольку министры и генералы обсуждали помимо прочего вопрос «об ино-

¹² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 178.

¹³ *Николай II*. Указ. соч. С. 135.

¹⁴ *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 1998. С. 166.

¹⁵ Николай II — Александре Федоровне. 16 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 187.

странных подданных и об отношении к ним»¹⁶. «Доказывая, что беспорядки развились благодаря бездействию малочисленной и неудовлетворительной московской полиции, — характеризовал выступление Юсупова на заседании один из его участников, управляющий Военным министерством генерал А. А. Поливанов, — он, однако, оставил впечатление, что корень этих беспорядков в его личном, невольном, может быть, натравливании населения и рабочих на немцев»¹⁷. Германофобская аргументация Юсупова не нашла отклика у большинства: политику князя критиковали все министры и прежде всего — управляющий МВД¹⁸. По итогам заседания Николай II утвердил его Журнал об отношении власти к иностранным подданным, наметивший равнодействующую между доводами Юсупова и контрдоводами оппонентов, хотя с перевесом в сторону последних¹⁹. Еще одним результатом явилось изменение служебного положения Юсупова.

Сразу после заседания Николай Николаевич заявил Поливанову, что предоставление Юсупову командования войсками Московского военного округа «признает нецелесообразным» и предложил оставить за ним только обязанности главноначальствующего Москвы, а командование округом передать состоявшему в распоряжении великого князя генералу П. Д. Ольховскому. Разделяя соображения верховного, Поливанов доложил эти соображения Николаю II, который согласился с ними²⁰. «Прогерманская партия, окружившая государя, была слишком сильна, — с точностью до наоборот оценивал ситуацию Юсупов-младший. — Впечатление, произведенное на Николая генерал-губернаторским словом, она быстро развеяла. Вернувшись в Москву, отец узнал, что снят с должности генерал-губернатора»²¹. В действительности Юсупов-старший 19 июня 1915 г. был отставлен лишь от поста главного начальника Московского военного округа, оставшись на должности главноначальствующего Москвы, чья компетенция распространялась только на Москву, а не на всю Московскую губернию.

В качестве компенсации Юсупову Николай II запланировал повышение князя по линии не военного, а гражданского управления путем назначения его московским генерал-губернатором, компетенция которого распространялась бы уже на всю губернию. Принимая 25 июня в Ставке «по окончании завтрака» Щербатова²², царь объявил ему «мысль [о том, чтобы] Юсупова назначить генерал-губернатором», однако управляющий МВД высказался против

¹⁶ Николай II. Указ. соч. С. 135–136.

¹⁷ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 137.

¹⁸ Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...». Биография. М., 2012. С. 292.

¹⁹ Подробнее см.: Лор Э. Указ. соч. С. 58–59.

²⁰ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 138.

²¹ Юсупов Ф. Ф. Указ. соч. С. 166.

²² Николай II. Указ. соч. С. 138.

нового назначения Юсупова — «во избежание упрочения его положения и якобы повышения лица, под ревизией находящегося»²³. Таким образом, Щербатов оказался в коллизии с монархом, а это могло лишь поколебать положение князя, тем более что в данном случае царя поддерживали его родственники, породнившиеся с Юсуповыми. «Единственный исход из этого ужасно оскорбительного положения, — писал Юсупов-младший своей теще Ксении Александровне, имея в виду отца, — это если его назначат генерал-губернатором, что должны были сделать сейчас же, как отняли у него военную власть, а не оставлять его в таком глупом положении, тем более что он ни в чем не виноват»²⁴. «Ксения, — сообщала царица царю 25 июня, — приедет к чаю после завтрака у Ирины — буду счастлива ее наконец повидать»²⁵. Очевидно, при встрече с Александрой Федоровной Ксения Александровна обосновывала идею своего зятя. После возвращения 28 июня Николая II из Ставки в Царское Село его сестра могла воздействовать на брата и непосредственно, в частности 1 июля. «В 4 ч., — записал в этот день император, — поехал в город и на Елагин к Мама. Застал там Ксению, Ольгу и Татьяну»²⁶. Разногласия с Николаем II по вопросу о назначении Юсупова генерал-губернатором побудили управляющего МВД задуматься об отставке.

Щербатов показывал, что уже через 6 недель после назначения министром, т. е. считая с 5 июня 1915 г., 17 июля того же года, он «хотел уходить»²⁷. Осведомленные современники вспоминали, что Щербатов «несколько раз»²⁸ просил Николая II «в случае малейшего колебания его освободить»²⁹. Очевидно, в первый раз о своем намерении уйти в отставку Щербатов сообщил императору 18 июля, когда «в 5 ½ [вечера]» имел всеподданнейший доклад, либо 20 июля, в понедельник утром, так как обычно встречи управляющего МВД с Николаем II происходили именно по понедельникам³⁰. Отставку Щербатова делало неизбежным и выдвижение Юсуповым перед МВД целого списка требований, подразумевавших усиление его власти, своего рода ультиматума, удовлетворением которого князь обусловил согласие на занятие генерал-губернаторской должности³¹.

²³ Совет министров Российской империи... С. 193.

²⁴ Красных Е. Указ. соч. С. 294.

²⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 25 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 209.

²⁶ Николай II. Указ. соч. С. 138, 139.

²⁷ Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.—Л., 1927. С. 211.

²⁸ Сидоров А. А. Указ. соч. С. 106.

²⁹ Допрос князя В. М. Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.—Л., 1927. С. 136.

³⁰ Николай II. Указ. соч. С. 143.

³¹ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) / Сост. А. Н. Яхонтовым, б. помощником управляющего делами Совета министров,

Несомненно, принимая Юсупова 23 июля³², Николай II обсуждал с ним именно эти требования. Щербатов расценил ультиматум Юсупова как абсолютно неприемлемый, по-прежнему считая необходимым его увольнение и с поста главноначальствующего, в чем в очередной раз разошелся с императором. «Я докладывал его величеству о создавшемся положении, — говорил Щербатов на заседании Совета министров 24 июля, — и государь мне повелел обдумать вопрос о назначении Юсупова московским генерал-губернатором. По мнению его величества, такое назначение оформило бы его положение и ввело бы его деятельность в рамки нормального закона»³³. Очевидно, пока не приняв отставку Щербатова, Николай II дал ему еще один шанс остаться на своем посту, выполняя царскую волю.

Щербатов, однако, продолжал настаивать на своем, и на заседании правительства 24 июля вместе с остальными министрами высказался за отказ от удовлетворения ультиматума Юсупова и его увольнение хотя бы в почетной форме³⁴. Глава кабинета И. Л. Горемыкин, принятый Николаем II 25 июля «в 2 ½ [пополудни]»³⁵, доложил императору «возражения» министров против кандидатуры Юсупова, но монарх нашел их «неубедительными»³⁶. «Для нас ускользает момент, — пишет С. П. Мельгунов, — когда и кем было названо впервые имя Хвостова в качестве заместителя Щербатова»³⁷. Между тем имя Хвостова в качестве заместителя Щербатова впервые назвал Горемыкину не кто иной как Николай II во время всеподданнейшего доклада премьера 25 либо 29 июля, когда у царя заседало правительство. «От 11 час. до часа с ¼, — записал он в этот день, — у меня продолжалось заседание Совета министров. Потом завтракал с ними»³⁸. Предметом обсуждения монарха и министров было дальнейшее развитие вопроса, поставленного еще весной 1915 г. по инициативе Николая II³⁹ и разработанного Кривошеиным — об обеспечении землей после войны наиболее отличившихся и пострадавших чинов армии и флота⁴⁰. «Вся суть вопроса, — гласила царская резолюция от 2 мая 1915 г., начертанная на соответствующем Особом журнале Совета министров, — в широкой скупке Крестьянским банком колониетских земель. Приступить к ней немедленно»⁴¹.

на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. 1926. Т. 18. С. 28.

³² *Николай II*. Указ. соч. С. 144.

³³ Тяжелые дни... С. 28.

³⁴ Совет министров Российской империи... С. 206–207.

³⁵ *Николай II*. Указ. соч. С. 144.

³⁶ Тяжелые дни... С. 39–40.

³⁷ *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 223.

³⁸ *Николай II*. Указ. соч. С. 145.

³⁹ *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 129.

⁴⁰ *Поливанов А. А.* Указ. соч. С. 196, 199.

⁴¹ Особый журнал Совета министров 3 марта и 17 апреля 1915 г. «По вопросу о преимуществах и льготах наиболее отличившимся и наиболее пострадавшим чинам армии и флота

Вывод об указанных датах, 25 или 29 июля, вытекает из сопоставления трех источников, а именно — показаний Горемыкина и бывшего министра юстиции А. А. Хвостова, дяди А. Н. Хвостова, и дневников императора. Согласно показаниям Горемыкина, он, узнав от Николая II о его намерении заменить Щербатова А. Н. Хвостовым, оспорил это намерение, сославшись «на невозможность назначения Хвостова по его личным свойствам» и на то, что занятию Хвостовым поста министра внутренних дел препятствует «всё его прошлое»⁴². Горемыкин, отмечал И. И. Тхоржевский, «долго противился» назначению царского кандидата, поскольку «боялся молодости и разбойничьего наскока Хвостова», но самое главное — имея собственного кандидата в лице государственного секретаря С. Е. Крыжановского⁴³. Видя, что Николая II не переубедить, Горемыкин посоветовал императору узнать мнение о А. Н. Хвостове у его дяди, поскольку его оценку племянника можно было спрогнозировать абсолютно точно. А. А. Хвостов являлся давним другом Горемыкина и, как министр юстиции, креатурой премьера и находился «в хороших с ним, личных, почти семейных отношениях»⁴⁴, более того — даже «боготворил» Горемыкина⁴⁵. По рассказам А. Н. Хвостова, его отношения с дядей были, наоборот, «недостаточно близки», поскольку они расходились «политически»⁴⁶, что и предопределило содержание отзыва о племяннике А. А. Хвостова.

«Когда Горемыкин, — вспоминал Хвостов-старший, — вернулся с всеподданнейшего доклада и сказал, что государем намечен на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостов, он сообщил мне, что сослался государю на то, что хорошо было бы ввиду моего родства и ближайшего с А. Н. Хвостовым знакомства спросить меня об этом. Таким образом, Горемыкин меня предупредил, чтобы я подготовился, что могу быть вызван. Действительно, кажется, на другой день я был вызван скороходом Александровского дворца, который по телефону сказал, что его величество просит меня прибыть, во *внедокладный день* (выделено нами. — С.К.), в Царское Село и что самое удобное мне выезжать с таким-то поездом, так как государь примет меня в таком-то часу. Я немедленно отправился в Царское»⁴⁷. Согласно дневнику Николая II, его внеочередная встреча

по окончании войны» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008. С. 200–204.

⁴² Допрос И. Л. Горемыкина. 15 мая 1917 г. // Падение царского режима... Т. 3. М.–Л., 1925. С. 318.

⁴³ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 92.

⁴⁴ Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927. С. 216.

⁴⁵ Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 76.

⁴⁶ Хвостов А. Н. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 164.

⁴⁷ Допрос А. А. Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926. С. 469.

с А. А. Хвостовым состоялась 3 августа 1915 г., до завтрака. «Кроме обычных докладов, — отметил в этот день император, — принял еще Хвостова»⁴⁸.

«Государь, — вспоминал А. А. Хвостов, — меня принял и сказал: “Вам говорил что-нибудь И. Л. Горемыкин о моем предположении назначить А. Н. Хвостова министром внутренних дел? Я хотел бы знать ваше мнение об этом...” Я высказал свое совершенно отрицательное мнение». Дав отрицательную оценку племяннику, дядя высказался против его назначения, тем не менее царь «очень благодарил» собеседника за откровенность⁴⁹. С. П. Мельгунов упомянул⁵⁰, а А. Я. Аврех процитировал показания А. А. Хвостова⁵¹, но ни тот, ни другой не удосужился установить — когда же произошла беседа монарха и министра юстиции. Если бы они сделали это, то увидели — кандидатуру А. Н. Хвостова выдвинул Николай II, однако анализ источников оба исследователя подгоняли под версию о том, что Хвостов — ставленник камарильи, а потому такой мелкий, на первый взгляд, вопрос, как датировка беседы о нем дяди и царя Мельгунова и Авреха просто не заинтересовал.

В период, непосредственно предшествовавший выбору царем кандидатуры Хвостова, с 16 июня по 30 июля, Г. Е. Распутин отсутствовал в Петрограде, поскольку находился у себя на родине, в Сибири⁵². Будучи в столице с 31 июля по 5 августа, он два раза встречался с Николаем II и Александрой Федоровной: 31 июля («Заехали к Ане, — записал тогда царь, — где видели Григория и его сына») и 4 августа («Вечером, — отметил император в этот день, — приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой»)⁵³. С 6 августа по 27 сентября старец опять отсутствовал в столице, снова пребывая в Сибири⁵⁴. Следовательно, выдвигать кандидатуру Хвостова, о котором Николай II впервые заговорил с Горемыкиным 25, самое позднее — 29 июля, Распутин не мог просто физически. В свете этого обстоятельства несомненна фантастичность информации, сообщаемой секретарем Распутина А. С. Симановичем. По его словам, в 20-х числах сентября, при возвращении в Петроград Распутин по инициативе и при посредничестве епископа Варнавы «на одном из волжских пароходов» познакомился с Хвостовым, вызванным епископом телеграммой из столицы, и сопровождавшим думца князем М. М. Андрониковым. «После возвращения в Петербург, — “вспоминал” Симанович, подразумевая Распутина, — он предложил царю назначить Хвостова министром внутренних дел. Царь согласился с этим

⁴⁸ *Николай II*. Указ. соч. С. 145.

⁴⁹ Допрос А. А. Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.—Л., 1926. С. 469.

⁵⁰ *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 224–225.

⁵¹ *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 122.

⁵² Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С. 269–271.

⁵³ *Николай II*. Указ. соч. С. 145, 146.

⁵⁴ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С. 269–271.

предложением, и назначение Хвостова состоялось»⁵⁵. На самом деле встреча, а не знакомство, Распутина с Хвостовым состоялась уже после его назначения, 29 сентября 1915 г., и не на палубе «волжского парохода», а в Петрограде, на квартире Андроникова⁵⁶. Более того, летом 1915 г. Хвостову стало известно, что его назначению «мешает Распутин»⁵⁷, который даже после появления Хвостова в роли руководителя МВД отнесся к этому «неблагожелательно»⁵⁸. И дело не только в том, что старец не простил бывшему нижегородскому губернатору его негостеприимства. До Распутина могли дойти сведения, что совсем недавно, в феврале 1914 г., Хвостов намеревался при обсуждении запроса об Афонских событиях «выяснить связь между афонскими монахами и старцем Григорием Распутиным, благодаря которому в последнее время изменились отношения к ереси имяславцев со стороны верховной власти»⁵⁹.

Что касается Александры Федоровны, то в ее письмах и телеграммах Николаю II до 27 июня 1915 г. Хвостов не упоминается ни разу и впервые его фамилия появляется только в письме от 22 августа того же года⁶⁰. Между тем, если бы царица была причастна к выдвижению кандидатуры Хвостова до 27 июня, то обязательно упомянула о нем, как она сделала это относительно А. Д. Самарина, назначенного вопреки ее желанию исправляющим должность обер-прокурора Синода. Впрочем, в период с 28 июня по 22 августа Николай II находился в Царском Селе⁶¹, так не могла ли Александра Федоровна выдвинуть кандидатуру Хвостова именно тогда? На поставленный вопрос возможен только отрицательный ответ: в начале августа 1915 г. Хвостов узнал, что Александра Федоровна «не дает своего согласия» на его назначение, поскольку он «проштрафился» в 1911 г. в Нижнем Новгороде и «не успел искупить свои вины относительно отъезда Распутина»⁶². «Александра Федоровна, — рассказывал Хвостов позднее, — меня не любила и сперва была против моего назначения»⁶³. Следовательно, к выдвижению кандидатуры Хвостова Александра Федоровна и Распутин не только не имели никакого касательства, но и относились к его назначению отрицательно.

⁵⁵ *Симанович А. С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С. 82–83.

⁵⁶ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 161.

⁵⁷ Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 6, 7.

⁵⁸ Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 74.

⁵⁹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 26.

⁶⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 22 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 212.

⁶¹ *Николай II.* Указ. соч. С. 138–149.

⁶² Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 6, 7.

⁶³ *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 163.

В конце июля 1915 г. решалась участь не только Щербатова, но и товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, генерала В. Ф. Джунковского, вместо которого Николай II запланировал назначить сенатора С. П. Белецкого, в январе 1914 г. уволенного по инициативе генерала с поста директора Департамента полиции. Впервые о необходимости замены Джунковского Белецким император заявил Щербатову 29 июля 1915 г. после завтрака, имевшего место вслед за заседанием Совета министров в Царском Селе. «После завтрака, — вспоминал Поливанов, — государь отошел в сторону с управляющим Министерством внутренних дел князем Щербатовым и предлагал ему заменить товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, Свиты генерал-майора Джунковского — известным С. Белецким»⁶⁴. Одновременная постановка Николаем II вопросов о замене Щербатова Хвостовым и Джунковского Белецким объяснялась нерешенностью проблемы с назначением Юсупова генерал-губернатором — как Щербатов, так и Джунковский, в отличие от императора, оценивали деятельность Юсупова в Москве отрицательно и противились его повышению.

Несомненно, свое отрицательное мнение о Юсупове Джунковский изложил Николаю II вечером 1 июня, когда царь отметил: «В 10 час. принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов»⁶⁵. В начале июня для всестороннего расследования причин майских волнений Джунковский инициировал посылку в Москву сенатора Н. С. Крашенинникова, инструкцию которому Совет министров одобрил 18 июня⁶⁶. Юсупов полагал, что сенаторская ревизия нацелена «лично против него и благодаря такому предположению он, а главное — его милейшая жена, — вспоминал Джунковский, — сразу резко изменили ко мне свое отношение, заняв непримиримую позицию»⁶⁷. Основания для разрыва с Джунковским его давних друзей дала беседа княгини З. Н. Юсуповой с посетившим ее Крашенинниковым, согласно которому Джунковский рассказал ему о московских беспорядках «как раз обратного тому, что было в действительности, и этому сенатору, — писал Юсупов-младший Ксении Александровне, — было приказано вести все эти дела именно в таком направлении». Корреспондент великой княгини возмущался, что «преступные люди», очевидно — Джунковский, «торжествуют над хорошими и честными»⁶⁸, т. е. над Юсуповым-старшим. В результате Джунковский приобрел в Юсупове влиятельнейшего противника — на заседании Совета министров 24 июля Щербатов сообщил, имея в виду Юсупова: «Не хочет, видимо, Джунковского»⁶⁹.

⁶⁴ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 199.

⁶⁵ Николай II. Указ. соч. С. 133.

⁶⁶ Совет министров Российской империи... С. 185.

⁶⁷ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 581.

⁶⁸ Красных Е. Указ. соч. С. 294.

⁶⁹ Совет министров Российской империи... С. 206–207.

Не менее влиятельной противницей товарища министра внутренних дел явилась и княгиня Юсупова, которая 13 августа жаловалась Юсупову-младшему на саботирование министрами желания царя назначить ее мужа генерал-губернатором: «Конечно, всё это дело рук Голубого (Джунковский носил голубой мундир как командир Отдельного корпуса жандармов. — С.К.)!»⁷⁰ Попечитель Варшавского учебного округа (и член ЦК Союза 17 октября) князь И. А. Куракин писал своей сестре, намекая на причастность Юсуповой к увольнению Джунковского, что «в этом вопросе и Зинаида не без греха»⁷¹. Союзником Юсуповых оказался Хвостов, образовавший в Государственной Думе (она начала свои заседания 19 июля после полугодичного перерыва) группу для борьбы с «немецким засильем»⁷² и, подобно Юсупову, рассматривавший Джунковского как главного покровителя «немцев». Именно в июле Юсуповы «присоединились» к этой группе и «всячески поощряли» «травлю» Джунковского, в которой, вспоминал он, «главную роль играли Хвостов со своими единомышленниками и Белецкий»⁷³. Относительно последнего Джунковский ошибался — в июле Белецкому было не до интриг, поскольку в апреле 1915 г. произошла безвременная кончина его старшего сына, и она, естественно, «сильно поразила» отца, а затем сенатор отсутствовал в Петрограде в течение трех месяцев⁷⁴ — до середины сентября того же года⁷⁵. Кроме того, перед их появлением во главе МВД Хвостов и Белецкий дружеских отношений не имели. «С Белецким, — вспоминал Хвостов, — у меня сперва отношения были средние, — после нижегородской истории с Распутиным Департамент полиции меня преследовал»⁷⁶. Хвостов подразумевал прежде всего перлюстрацию его писем. Белецкий, в свою очередь, показывал, что Хвостов еще со времени губернаторства относился к нему «несколько предубежденно»⁷⁷. Сотрудничество между тем и другим возникло только в конце сентября 1915 г., после их назначения на руководящие посты МВД.

Еще одним противником Джунковского являлся Щербатов, который «сразу же понял», что генерал «совершенно не соответствовал посту заведующего полицией, и сразу стал думать, как достойно отправить его в отставку»⁷⁸. Действительно, уже на первом всеподданнейшем докладе, состоявшемся 8 июня⁷⁹,

⁷⁰ Красных Е. Указ. соч. С. 298.

⁷¹ И. А. Куракин — М. А. Шаховской. 23 августа 1915 г. // РГИА. Ф. 1542 (князя Шаховские). Оп. 1. Д. 131. Л. 164.

⁷² Курлов П. Г. Указ. соч. С. 160.

⁷³ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 615.

⁷⁴ Допрос С. П. Белецкого. 19 мая 1917 г. // Падение царского режима... Т. 3. М.—Л., 1925. С. 400.

⁷⁵ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.—Л., 1925. С. 152.

⁷⁶ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 165.

⁷⁷ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.—Л., 1925. С. 155.

⁷⁸ Стиридович А. И. Указ. соч. С. 134.

⁷⁹ Николай II. Указ. соч. С. 134.

Щербатов заявил Николаю II, подразумевая соответствие Джунковского занимаемой им должности: «Насколько он подходит к этой должности — судить не берусь». Сотрудничество Щербатова с Джунковским еще более убедило князя, что генерал «недостаточно в курсе технических вопросов» и даже «едва в курсе дела»⁸⁰. Кроме Николая II, Юсуповых, Хвостова и Щербатова за отставку Джунковского выступил и бывший товарищ председателя Государственной Думы князь В. М. Волконский, назначенный 27 июля одним из товарищей министра внутренних дел⁸¹. Волконский, негативно оценивая служебную деятельность генерала, говорил великому князю Андрею Владимировичу 29 сентября 1915 г., что Джунковский «не на месте был». «Это, — характеризовал его Волконский, — человек глубоко порядочный, но этого мало. Надо знание и умение, чего у него не было. Он наделал много административных ошибок»⁸².

Современники и исследователи полагали (последние полагают и до сих пор), будто увольнение Джунковского произошло исключительно под влиянием Распутина и Александры Федоровны, которые тем самым отомстили ему за разоблачение перед Николаем II «скандального поведения» старца. Действительно, вечером 1 июня 1915 г. Джунковский, доложив императору о московских погромах, далее, кстати — с полного одобрения тогдашнего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, сообщил о посещении Распутиным в марте 1915 г. московского ресторана «Яр»⁸³. На просьбу генерала разрешить ему расследование деятельности старца Николай II ответил: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но, пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы, это будет между нами»⁸⁴. Антираспутинский доклад Джунковского ни в коей мере не поколебал положительного отношения к нему со стороны монарха, который 8 июня, на первом приеме Щербатова как управляющего МВД⁸⁵, заявил собеседнику, что Джунковский пользуется его, царя, «полным» доверием⁸⁶. Приехав в Ставку 11 июня⁸⁷, во время прогулки Николай II беседовал с генералом о причинах общественной непопулярности министра юстиции И. Г. Щегловитова, причем, заканчивая беседу, сказал Джунковскому: «Вот, наконец я слышу настоящий отзыв о Щегловитове, с фактами, а то до сих пор я слышал только одни голословные обвинения»⁸⁸.

⁸⁰ Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.—Л., 1927. С. 210, 225.

⁸¹ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 49.

⁸² Андрей Владимирович, вел. кн. Военный дневник (1914–1917). М., 2008. С. 193.

⁸³ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 569.

⁸⁴ Допрос генерала В. Ф. Джунковского // Падение царского режима... Т. 5. М.—Л., 1926. С. 104.

⁸⁵ Николай II. Указ. соч. С. 134.

⁸⁶ Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.—Л., 1927. С. 210.

⁸⁷ Николай II. Указ. соч. С. 135.

⁸⁸ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 580–581.

На заседании Совета министров в Ставке 14 июня Юсупов, объясняя причины московского погрома, «взвалил всю вину за погром на Министерство внутренних дел и, в частности, на генерала Джунковского, которое якобы, покровительствуя немцам, возвращало из ссылки удаленных из Москвы немецких подданных. Это, — по мнению Юсупова, — возмутило, наконец, простой народ, и он устроил погром». Обвинения Джунковского Юсуповым нашли отклик со стороны Николая II, который вскоре после заседания, во время прогулки с флигель-адъютантом А. А. Дрентельном, сказал ему, что «знал» — «в немецком погроме виноват Джунковский»⁸⁹. Тем не менее и тогда доверие к нему царя существенно не поколебалось, так как 19 июня Николай II послал Александре Федоровне из Ставки некую «крохотную фотографию», сделанную Джунковским там же «в прошлый раз»⁹⁰. Появлению трещины в отношениях между монархом и генералом, несомненно, способствовало то, что Джунковский, вопреки просьбе царя, высказанной 1 июня, нарушил служебную тайну и показал антираспутинский доклад великому князю Дмитрию Павловичу, который рассказал о нем отцу, великому князю Павлу Александровичу, и А. А. фон Пистолькорс, сестре А. А. Вырубовой, а та — Александре Федоровне, о чем императрица сообщила супругу 22 июня⁹¹. Однако только через месяц, 29 июля, после выступления против Джунковского Юсуповых, вдохновляемых Хвостовым, Щербатова и Волконского, Николай II предложил управляющему МВД уволить его товарища.

Поскольку с 31 июля по 5 августа Распутин находился в Петрограде⁹² и встречался с венценосцами 31 июля и 4 августа⁹³, ему было известно о близости падения Джунковского. В случае малейшей причастности к увольнению генерала старец не преминул бы в ней признаться, как это впоследствии он делал даже по поводу тех кадровых перемен, к которым никакого отношения не имел. Но, беседуя со своими охранниками 10 августа в Покровском, Распутин говорил буквально следующее: Джунковского «со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой»⁹⁴. В это время, по свидетельству последнего директора Департамента полиции А. Т. Васильева, у старца «не было ни малейшего представления обо всем случившемся», а потому он «настойчиво отрицал любое участие в отставке Джунковского», уверяя, что «ему рассказали

⁸⁹ Спиридович А. И. Великая войны и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 127, 128.

⁹⁰ Николай II — Александре Федоровне. 19 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 193.

⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 22 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 196, 197.

⁹² Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С. 269–271.

⁹³ Николай II. Указ. соч. С. 145, 146.

⁹⁴ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С. 273.

об отставке и ее причине только через некоторое время после того, как она произошла»⁹⁵. Представляется, что в данном случае признания Распутина соответствуют истине.

В свою очередь Александра Федоровна, сообщив Николаю II в письме от 22 июня о нарушении Джунковским служебной тайны и впервые назвав его «моим врагом», полагала, что «клеветники должны быть наказаны». Казалось бы, вот и доказательство того, что инициатором увольнения генерала являлась императрица, но данный вывод опровергается последующими строками из упомянутого письма: «Ах, мой дружок, когда же, наконец, ты ударишь кулаком по столу и прикрикнешь на Джунковского и других, которые поступают неправильно?»⁹⁶ Следовательно, Александра Федоровна выступала не за увольнение генерала, а только за то, чтобы Николай II поставил Джунковского на место, что подтверждается и отсутствием в последующих письмах императрицы даже намек на необходимость отставки генерала. Более того, уже после увольнения Джунковского Александру Федоровну возмущали петроградские слухи, «будто бы я, — писала она супругу 15 сентября, — удалила <...> Джунковского из-за нашего Друга»⁹⁷. Тем не менее все эти совершенно однозначные указания, содержащиеся в переписке царя и царицы, историки упорно не замечали. «С конца августа, — нагнетал страсти А. А. Кизеветтер еще в 1922 г., — Александра усиливает натиск на Николая, требуя смещения <...> Джунковского»⁹⁸, однако Джунковский был уволен 19 августа! Подобное игнорирование данных переписки свойственно историкам и поныне.

Как уже указывалось выше, тогда же, когда Николай II предложил Щербатову отставить Джунковского, т. е. 29 июля 1915 г., монарх объявил о необходимости назначения вместо генерала Белецкого, от чего князь «решительно уклонился»⁹⁹, что не могло укрепить его положение. Вместо Джунковского Щербатов хотел назначить прокурора Одесской судебной палаты Р. Г. Моллова¹⁰⁰, своего свойственника¹⁰¹, назначенного, однако, 6 сентября, не товарищем министра, заведующим полицией, а директором Департамента полиции, с должности которого 23 ноября, после замены Щербатова Хвостовым, Моллов

⁹⁵ Васильев А. Т. Охрана. Русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 425.

⁹⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 22 июня 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 196, 197.

⁹⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 15 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 299.

⁹⁸ Кизеветтер А. А. Письма царицы // Современные записки. 1922. № 13. С. 332.

⁹⁹ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 163.

¹⁰⁰ Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.—Л., 1927. С. 225.

¹⁰¹ Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 91.

перешел на пост полтавского губернатора¹⁰². В то же время для Волконского кандидатура Белецкого в товарищи министра представлялась абсолютно приемлемой. Князь говорил Андрею Владимировичу 29 сентября про Белецкого: «Он уже был директором Департамента полиции. Это человек знающий, и он единственный, кто может в данное время справиться с этим делом. Я давно его считал лучшим кандидатом»¹⁰³. Позднее Волконский подтверждал, что по своей предшествующей деятельности Белецкий запомнился ему как «человек очень умный и знающий»¹⁰⁴. Не исключено, что именно Волконский выдвинул кандидатуру Белецкого перед Николаем II, поскольку князь «давно был лично известен государю» и «пользовался его доверием»¹⁰⁵. Однако, скорее всего, Белецкий, как и Хвостов, являлся личным кандидатом императора, и в данном случае принявшего решение вопреки Распутину и Александре Федоровне.

В 1915 г. у старца существовало «недоверие» к Белецкому «за прошлое», тем более что в январе 1914 г., при уходе из Департамента полиции он отверг желание Распутина познакомиться, а позднее — «не был его сторонником» и давал отрицательные сведения о Распутине генералу Е. В. Богдановичу и, в конце того же года, великому князю Николаю Николаевичу. Хотя одновременно в конце 1914 г. Белецкий и познакомился со старцем на квартире князя М. М. Андроникова, это знакомство не стало близким, и 29 сентября 1915 г., уже после назначения сенатора товарищем министра, Распутин высказал Белецкому упрек «за прошлое соглядатайство за ним»¹⁰⁶. Согласно показаниям А. А. Вырубовой, «до назначения Белецкого императрица относилась к нему с недоверием», а потому «Белецкий получил указанное назначение не по желанию императрицы»¹⁰⁷. Тем не менее для А. Я. Авреха причастность Распутина и Александры Федоровны к выдвижению кандидатуры Белецкого была бесспорной. «С Белецким, — писал исследователь, — всё было проще и быстрее, потому что его уже непосредственно рекомендовал Распутин»¹⁰⁸. Для подтверждения своей точки зрения А. Я. Аврех сослался на письмо царицы супругу от 20 сентября 1915 г., однако в этом письме никакого отзыва старца о Белецком не приводится¹⁰⁹. Назначение сенатора было обусловлено не влиянием

¹⁰² Куликов С. В. Указ. соч. С. 49, 51.

¹⁰³ Андрей Владимирович, вел. кн. Указ. соч. С. 193.

¹⁰⁴ Допрос князя В. М. Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.—Л., 1927. С. 137.

¹⁰⁵ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С. 148.

¹⁰⁶ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.—Л., 1925. С. 153, 154, 162.

¹⁰⁷ Приложение № 5. Протокол допроса Вырубовой Анны Александровны от 14 октября 1917 г. // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 339.

¹⁰⁸ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 116.

¹⁰⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319–321.

Распутина и Александры Федоровны, а падением Джунковского, которое в известной мере стало результатом деятельности Хвостова.

«В последних числах июля, — вспоминал Джунковский, — я узнал, что в Думе небольшой группой, во главе с Хвостовым, готовится выступление с резкой критикой моих действий, что для этого всё уже подготовлено, что Хвостов решил меня “свалить”, представив против меня “ужасающие” факты моей якобы германофильской политики», причем, отмечал Джунковский, «Хвостов почерпал свои небылицы у Юсупова», хотя в конечном итоге Джунковский признавал их истинность¹¹⁰. Естественно, Хвостов никогда не считал Джунковского сознательным германофилом, желая выступлением в IV Думе перехватить инициативу у оппозиции, воспользовавшейся Великим отступлением русской армии для обвинения правительства в неспособности руководить обороной государства и... в том же германофильстве. В 20-х числах июля 1915 г. Хвостов сетовал в письме супруге: «Как умно вели себя кадеты. Ведь это обеспечило им избрание в 5-ю Думу, и тогда они проведут всё, что захотят»¹¹¹. Выступая 3 августа в Таврическом дворце, вторую часть своей речи Хвостов посвятил исключительно критике (прямой или косвенной) деятельности Джунковского, которая и привела (здесь оратор полностью сходил с инспирировавшим его Юсуповым) к «немецкому погрому» в Москве. Рассматривая конкретные случаи покровительства Джунковского подданным вражеских государств, Хвостов делал неутешительный вывод: «Господа, народ ведь это видит, население это видит, и оно стало разочаровываться, оно стало волноваться, оно стало бояться и перестало верить власти», полагая, хотя бы «несправедливо» и «ошибочно», что ее представители «продались и предались»¹¹². Речь о немецком засилье обратила на Хвостова «внимание Дворца». «О ней, — вспоминал генерал А. И. Спиридович, — много говорили во всех кругах»¹¹³.

«На речь мою обратили внимание, — вспоминал сам Хвостов. — В ту пору мне приходилось бывать у императрицы Марии Федоровны, определенной германофобки»¹¹⁴. Установить, когда именно Хвостов посещал Марию Федоровну, на основании ее дневника не представляется возможным, поскольку подлинник этого дневника за 1915 г. не сохранился, а то, что имеется в распоряжении исследователей — опубликованная копия, включающая в себя записи не за все дни. Так, от июля и августа 1915 г. остались только записи за 6, 8, 22 и 28 и, соответственно, за 8, 9, 12, 18, 20, 21, 23, 24, 27 и 28 числа¹¹⁵. Характеризуя

¹¹⁰ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 615, 620–626.

¹¹¹ Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.—СПб., 2013. С. 152.

¹¹² Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.): В 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 330–343.

¹¹³ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 180.

¹¹⁴ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 162.

¹¹⁵ Мария Федоровна. Дневники (1914–1920, 1923 гг.). М., 2005. С. 87–91.

свои отношения с матерью Николая II, Хвостов подчеркивал: «Ко мне вообще и раньше относилась хорошо вдовствующая императрица Мария Федоровна», с которой Николай II и Александра Федоровна «считались в смысле назначений, хотя и были в дурных отношениях»¹¹⁶. «Однажды» вдовствующая императрица сказала думцу, что «сын ее хотел бы, чтобы я, — вспоминал Хвостов, — ему представился. Приемы в то время были отменены, и потому она посоветовала подать об этом прошение»¹¹⁷. Мария Федоровна, показывая Хвостову ранее, «меня называла своим и говорила, что нужно только принять меры, чтобы Александра Федоровна не препятствовала моему назначению, что она знает желание сына иметь меня в качестве министра внутренних дел»¹¹⁸. О желании Николая II относительно Хвостова Мария Федоровна могла узнать от императора 22 июля или 7 августа, когда он посетил Елагинский дворец с детьми, но без жены¹¹⁹, однако скорее всего — 22 июля, поскольку именно в 20-х числах июля царь определенно решил заменить Щербатова Хвостовым.

Следуя совету вдовствующей императрицы, Хвостов, очевидно — как камергер Высочайшего двора, «прошение подал, не ставя мотивировки своего ходатайства. Царь на этом прошении написал, — вспоминал Хвостов, — что хочет меня видеть для разговора по вопросу о немецком засилье»¹²⁰. Тема о «немецком засилье» всплыла отнюдь не случайно. «Я лично, — показывал сам Хвостов, — ставил такую связь: государь мне сказал, что он обратил внимание и с жадным интересом следил за моими речами. Моя речь о немецком засилье его заинтересовала»¹²¹. Можно предположить, что представление думца Николаю II произошло 5 августа 1915 г., когда он записал: «Утром принимал нескольких представляющихся»¹²². Казалось бы, определенная информация должна содержаться в камер-фурьерском журнале, но, согласно черновому журналу, монарх принимал «члена Государственной думы Хвостова»... 2 июля 1915 г., с 18:00 до 18:15¹²³. О том же сообщает и чистовой журнал: 2 июля, от 18:00, читаем в нем, император «изволил принимать члена Государственной думы Хвостова»¹²⁴. Однако в дневниковой записи

¹¹⁶ Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 74.

¹¹⁷ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 162.

¹¹⁸ Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 74.

¹¹⁹ Николай II. Указ. соч. С. 143, 146.

¹²⁰ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 163.

¹²¹ Допрос А. Н. Хвостова... С. 7.

¹²² Николай II. Указ. соч. С. 146.

¹²³ Черновые камер-фурьерские журналы за июль–декабрь 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 219/2728. Д. 41. Л. 2 об.

¹²⁴ Чистовой камер-фурьерский журнал за июль 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 1. Доп., 1915. Д. 10. Л. 3 об.

Николая II за 2 июля сообщается о встрече не с А. Н. Хвостовым, а с его дядей — А. А. Хвостовым, которому царь предложил портфель министра юстиции: «Принял Хвостова, — записал в этот день император, — он назначается управляющим Министерством юстиции»¹²⁵. Отсутствие в черновых камер-фурьерских журналах за июль–август 1915 г. других упоминаний о встречах Николая II с Хвостовым-младшим¹²⁶, а также тот факт, что после 3 числа в течение всего августа Хвостов-старший имел только один всеподданнейший доклад — 10 августа¹²⁷, наводит на предположение, что гоф-фурьеры, составлявшие чистовые журналы в конце соответствующего месяца, так и не разобравшись окончательно в том, кто есть кто, объединили в одно событие две разные, имевшие место 2 июля и 5 августа, встречи царя с двумя *разными* Хвостовыми, причем А. Н. Хвостов в результате этой ошибки в одном случае «занял» место дяди, а в другом — просто не попал в камер-фурьерский журнал за август.

Во время приема Николай II, отмечал Хвостов, «был очень любезен, долго со мною говорил по общим вопросам политики и под конец сказал, что мне было бы хорошо представиться и Александре Федоровне... Когда я спросил, как мне это сделать, он сказал, что сам с ней об этом говорить не будет, и что мое дело, как это устроить»¹²⁸. Итак, император, иногда предпочитавший при реализации своих, в том числе и кадровых, решений, действовать не прямо, а косвенно, через других лиц, предложил собеседнику план обеспечения согласия на назначение Хвостова со стороны императрицы. Тактику косвенного действия царь использовал и при увольнении Джунковского, который, по свидетельству начальника Московского охранного отделения полковника А. П. Мартынова, «поскользнулся» на одной «апельсиновой корке», ловко прикрыв ее для публики своим «антираспутинством», а именно — «на «немцах», а не, как явствует по другой версии, по поводу якобы враждебного для Распутина доклада царю!». Джунковский имел неосторожность оказывать покровительство лицам, заподозренным в шпионаже, в частности — сосланному из Москвы в Вологду поручику запаса венгерских войск, о возвращении которого безуспешно ходатайствовала перед Мартыновым жена поручика¹²⁹. Джунковский признавал, что вернул в Москву поручика барона Буковича, серба, женатого на французке, хотя контрразведка докладывала генералу: «есть основание подозревать в нем военного разведчика»¹³⁰.

¹²⁵ Николай II. Указ. соч. С. 139.

¹²⁶ См.: Черновые камер-фурьерские журналы за июль–декабрь 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 219/2728. Д. 41.

¹²⁷ Николай II. Указ. соч. С. 147.

¹²⁸ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 163.

¹²⁹ Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»... Т. 1. С. 315, 347.

¹³⁰ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 626.

«Посылается ходатайство на заключение московского градоначальника, — описывал именно случай с Буковичем Хвостов 3 августа, — тот отказывает категорически, а через несколько времени, без всякого сношения с Москвой, по распоряжению товарища министра Джунковского, такой-то поручик запаса венгерских войск возвращается в Москву»¹³¹. В эмиграции Мартынова подвела память относительно автора речи 3 августа (вместо Хвостова он упомянул Пуришкевича), что не обесценивает информации полковника о реакции на случай с Буковичем со стороны Николая II. «Государь, — отмечал Мартынов, — остался очень недоволен, и генерал Джунковский немедленно был отстранен от должности. Играла ли при этом какую-нибудь роль его позиция в вопросе о Распутине, я не знаю. Думаю, что не играла вовсе»¹³². Имеются все основания для согласия с точкой зрения Мартынова, тем более что масла в огонь подлил и Юсупов, которого царь принял 8 августа «после чая»¹³³. Для Николая II факт, озвученный Хвостовым 3 августа, стал последней каплей.

Уже 15 августа Щербатов «неожиданно»¹³⁴ получил от императора записку: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите. Николай»¹³⁵. Слово «настаиваю» появилось не вследствие влияния Александры Федоровны, как полагал генерал, а потому что о необходимости замены Джунковского Белецким царь говорил Щербатову еще 29 июля, однако князь, имея своего кандидата, не торопился с выполнением царской воли. В ответ генерал, затаив обиду, адресовал императору 16 августа письмо, в котором просил отчислить его и из Свиты и разрешить ему отправиться в действующую армию¹³⁶. Однако на письме Джунковского Николай II положил резолюцию: «В Свите оставить, на отправление в действующую армию согласен»¹³⁷, и 19 августа генерал был уволен в Свиту. Более того, он получил от монарха право носить форму Отдельного корпуса жандармов, «над облагорожением которого Джунковский потрудился больше всех других командиров Корпуса. Тут, — подчеркивал протопресвитер Г. И. Шавельский, — сказалась обычная манера государя подслащивать горькие пилюли»¹³⁸. Наконец, 26 декабря 1915 г. Николай II назначил Джунковского командиром бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии¹³⁹, хотя ранее генерал не ко-

¹³¹ Ораторы России в Государственной думе... Т. 2. С. 340.

¹³² Мартынов А. П. Указ. соч. С. 348.

¹³³ Николай II. Указ. соч. С. 146.

¹³⁴ Совет министров Российской империи... С. 224.

¹³⁵ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 633.

¹³⁶ Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. С. 102–103.

¹³⁷ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 636.

¹³⁸ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 23.

¹³⁹ Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 451.

мандовал даже полком! От падения Джунковского Юсупов, однако, не выиграл, поскольку в течение августа 1915 г. Совет министров успешно саботировал намерение монарха назначить его генерал-губернатором. Нервы князя не выдержали: в конце августа царь «получил просьбу Юсупова освободить его от Москвы»¹⁴⁰, и 3 сентября князь был уволен и с должности главноначальствующего.

Тем временем в споре Николая II с Горемыкиным по поводу назначения Хвостова Александра Федоровна начала становиться на сторону мужа, что, видимо, объяснялось ее желанием оказать императору всяческую поддержку при его вступлении в верховное главнокомандование. Решение царя заменить собой великого князя Николая Николаевича, назначив его наместником на Кавказе, встретило сопротивление почти всей императорской фамилии и Совета министров, не говоря о лидерах либеральной оппозиции, и нашло поддержку только со стороны царицы и премьера. «Я надеюсь, — писала Александра Федоровна 22 августа Николаю II, уезжавшему в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего, — что Горемыкин одобрит назначение Хвостова»¹⁴¹. То же самое место письма царицы В.Д. Набоков перевел несколько иначе: «Я надеюсь, что Горемыкин одобрит *твой выбор* (выделено нами. — С.К.) Хвостова»¹⁴². Этот перевод, если учесть, что кандидатура Хвостова была личным выбором Николая II, представляется более адекватным, однако даже несколько искажая текст письма от 22 августа, А. А. Кизеветтер делал на его основании абсолютно бездоказательный вывод, будто «Александра, ссылаясь на одобрение Горемыкина, выдвигает кандидатуру А. Н. Хвостова в министры внутренних дел», а это — «прямой ставленник Распутина»¹⁴³. Более точным оказался С. П. Мельгунов, полагавший, что в письме от 22 августа «Хвостов отнюдь не являлся еще кандидатом Александры Федоровны», которая «не делает нового кандидата своим особым протееже»¹⁴⁴. Действительно, выбор супруга царица пока что поддерживала не вполне.

На следующий день, 23 августа, Александра Федоровна приняла Горемыкина, что не означало исполнения ею обязанностей некоей неформальной регентши, как изображали дело современники и исследователи. Всё объяснялось намного проще — царица с августа 1914 г. была председательницей Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, а премьер, по должности, являлся заместителем императрицы в этом учреждении. «Газетная придворная хроника, — вспоминал генерал В. Н. Воейков, — каждый раз доводила до сведения публики о выезде в Царское

¹⁴⁰ Николай II — Александре Федоровне. 4 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 255.

¹⁴¹ Александра Федоровна — Николаю II. 22 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 212.

¹⁴² Александра Федоровна — Николаю II. 22 августа 1915 г. // Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II: В 2 т. Берлин, 1922. Т. 1. С. 159.

¹⁴³ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 332.

¹⁴⁴ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 208, 223.

Село с докладом ее величеству председателю Совета министров И. Л. Горемыкина, но никогда не указывала на то, что И. Л. Горемыкин ездил к государыне с докладами по Верховному совету как его председательнице. На этой почве росли слухи, что в отсутствие государя доклады по государственным делам принимает ее величество»¹⁴⁵. Пользуясь возможностью, Александра Федоровна говорила с Горемыкиным о Хвостове, и снова премьер высказал отрицательное мнение о кандидате Николая II, мотивируя свое мнение прежде всего тем, что Хвостов «в Думе выступал против правительства и германцев». Подразумевая Горемыкина, царица заключала: «Он обдумает имена и пришлет или принесет мне для тебя список лиц, могущих, по его мнению, подойти»¹⁴⁶. Следовательно, по причине, в общем-то, случайного обстоятельства, заключавшегося в пребывании Николая II в Ставке, Александра Федоровна стала посредницей между премьером и императором, не играя при этом никакой самостоятельной роли.

References

- Avreh A. Ya.* Tsarizm nakanune sverzheniya. M., 1989.
Andrey Vladimirovich, vel. kn. Voennyj dnevnik (1914–1917). M., 2008.
Dzhunkovskiy V. F. Vospominaniya: V 2 t. M., 1997.
Hvostov A. N. Iz vospominaniy // Golos minuvshego. 1923. № 2.
Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). M.–SPb., 2013.
Kafafov K. D. Vospominaniya o vnutrennih delah Rossiyskoy imperii // Voprosy istorii. 2005. № 4.
Kizevetter A. A. Pis'ma tsaritsy // Sovremennye zapiski. 1922. № 13.
Kir'yanov Yu. I. «Mayskie besporyadki» 1915 g. v Moskve // Voprosy istorii. 1993. № 12.
Krasnyh E. Knyaz' Feliks Yusupov: «Za vse blagodaryu...». Biografiya. M., 2012.
Kulikov S. V. «Ministerskaya cheharda» v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny. Hronika sobytiy (iyul' 1914 – fevral' 1917) // Iz glubiny vremen. 1994. Vyp. 3.
Kurlov P. G. Gibel' imperatorskoy Rossii. M., 1991.
Lor E. Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheskih poddannyh» v gody Pervoy mirovoy voyny. M., 2012.
Mariya Fedorovna. Dnevnik (1914–1920, 1923 gg.). M., 2005.
Martynov A. P. Moya sluzhba v Otdel'nom korpuse zhandarmov // «Ohranka». Vospominaniya rukovoditeley ohrannykh otdeleniy: V 2 t. M., 2004. T. 1.
Mel'gunov S. P. Vospominaniya i dnevnik. M., 2003.
Mel'gunov S. P. Legenda o separatnom mire. Kanun revolyutsii. M., 2006.
Nikolay II. Dnevnik (1894–1918): V 2 t. M., 2013.
Paleolog Zh. M. Dnevnik posla. M., 2003.
Polivanov A. A. Iz dnevnikov i vospominaniy po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoschnika. T. 1. M., 1924.
Rodzyanko M. V. Krushenie Imperii // Arhiv russkoy revolyutsii. 1926. T. 17.

¹⁴⁵ *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 115.

¹⁴⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 23 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 215.

- Savich N. V.* Vospominaniya. SPb.–Dyussel'dorf, 1993.
- Shavel'skiy G. I.* Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoy armii i flota: V 2 t. M., 1996.
- Sidorov A. A.* Iz zapisok moskovskogo tsenzora (1909–1917) // *Golos minuvshogo*. 1918. № 1–3.
- Simanovich A. S.* Rasputin i evrei. Vospominaniya lichnogo sekretarya Grigoriya Rasputina. M., 1991.
- Spiridovich A. I.* Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya. Vospominaniya. Minsk, 2004.
- Tihomirov L. A.* Dnevnik. 1915–1917 gg. M., 2008.
- Thorzhevskiy I. I.* Posledniy Peterburg. Vospominaniya kamergera. SPb., 1999.
- Vasil'ev A. T.* Ohrana. Russkaya sekretnaya politsiya // «Ohranka». Vospominaniya rukovoditeley ohrannykh otdeleniy: V 2 t. M., 2004. T. 2.
- Voeykov V. N.* S tsarem i bez tsarya. Vospominaniya poslednego dvortsovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II. M., 1995.
- Volkov S. V.* Generalitet Rossiyskoy imperii. Entsiklopedicheskiy slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II: V 2 t. M., 2010. T. 1.
- Yusupov F. F.* Memuary v dvuh knigah. Do izgnaniya. 1887–1919. V izgnanii. M., 1998.